

На правах рукописи

Пухтий Екатерина Евгеньевна

***ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ:
ВОПРОСЫ ТЕХНИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОСТАВОВ И
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ***

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Казань - 2004

Диссертация выполнена на кафедре уголовного права и процесса
Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
Кругликов Лев Леонидович

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук, профессор Лобанова Любовь Валентиновна
кандидат юридических наук, доцент Скрыбин Михаил Александрович

Ведущая организация: Ульяновский государственный университет

Защита состоится «__» ноября 2004 г. в «__» ч. на заседании диссертационного совета Д 212.081.13 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук при Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, юридический факультет, ауд. ____.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент

Каюмова А.Р.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В цивилизованном обществе необходимость охраны семьи, материнства и детства не ставится под сомнение, ведь именно благополучие отдельно взятых «ячеек» социума и каждого конкретного ребенка обеспечивает стабильное будущее государства. Понимая важность этой проблемы, государства пытаются предпринять различные меры по созданию наиболее благоприятных условий для существования семей и несовершеннолетних. В Российской Федерации охрана указанных ценностей становится как никогда актуальной, так как условия жизни в пореформенном обществе серьезно сказались на положении самых незащищенных слоев населения, прежде всего детей. Одной из тяжелейших проблем в России является проблема детской беспризорности. По разным оценкам в стране насчитывается от 3 до 5 млн. безнадзорных детей, при этом лишь небольшое число этих детей – сироты. Большинство же уходит из семей из-за постоянных конфликтов, насилия и иных форм жестокого обращения со стороны родителей: по данным социологических исследований в России ежегодно 2000 детей гибнут в результате насилия в семье. Следствием общего кризиса семьи и детства является рост социального сиротства: число детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения, увеличивается в год примерно на 20 тысяч¹. На такой благодатной почве расцвел бизнес по незаконному усыновлению, торговле детьми. Серьезную проблему представляет подростковая преступность, а особенно увеличение насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, на что обратил внимание в своем докладе Уполномоченный по правам человека в РФ². Немалая доля этих преступлений совершается детьми под влиянием взрослых, с их поддержкой и участием.

Помимо экономических и социальных причин, обуславливающих вышеуказанные процессы, необходимо отметить несовершенство, плохую скоординированность системы государственных органов, которые должны заниматься проблемами семьи и ребенка, их коррумпированность.

¹ О соблюдении Российской Федерацией Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах. Альтернативный доклад российских неправительственных организаций // Российский бюллетень по правам человека. Вып. 18. М., 2004. С. 92.

² Российская газета. 2004. 29 июля.

В такой ситуации особенно пристальное внимание необходимо уделить совершенствованию законодательной базы, обеспечивающей охрану семьи, материнства и детства, в том числе уголовного законодательства. Определенные шаги в этом направлении делаются: прежде всего, надо отметить обособление в рамках Уголовного кодекса РФ самостоятельной главы, посвященной преступлениям против семьи и несовершеннолетних, появление новых составов, в том числе ст. 156 УК, осуществление дифференциации ответственности за совершение отдельных преступлений против несовершеннолетних. Однако с точки зрения законодательной техники многие статьи, входящие в главу 20, неудачны: при их создании нарушались правила использования терминологии, построения конструкций составов преступлений. В результате действующие нормы оказались непонятны, сложны, с их применением на практике возникают проблемы. Кроме того, правотворец в большинстве случаев не осуществил дифференциацию ответственности за преступления против семьи, не всегда правильно конструировал санкции. Сказанное подтверждает актуальный характер избранной темы исследования и необходимость обстоятельного изучения проблемы.

Цель и задачи исследования. *Целью* настоящего исследования является научная оценка норм о преступлениях против семьи и несовершеннолетних с точки зрения их законодательно-технического совершенства и оптимальности дифференциации уголовной ответственности, а также разработка предложений по устранению выявленных недостатков. Для достижения названной цели автор поставил перед собой следующие *задачи*:

- изучить историю регламентации уголовной ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних в российском уголовном законодательстве;
- определить родовой объект деяний, описанных в гл. 20 УК, и классифицировать их;
- раскрыть понятие законодательной техники и ее значение;
- установить, какие элементы образуют содержание законодательной техники и каков их круг в уголовном праве;

- проанализировать использование отдельных компонентов законодательной техники при конструировании составов преступлений против семьи и несовершеннолетних;
- дать определение понятия дифференциации уголовной ответственности и очертить круг ее средств;
- охарактеризовать использование средств Общей части при осуществлении дифференциации ответственности;
- оценить уровень дифференциации уголовной ответственности с использованием средств Особенной части;
- выработать научно-обоснованные предложения и рекомендации по совершенствованию действующего уголовного законодательства в части дифференциации ответственности и конструирования составов.

Объект и предмет исследования. *Объектом* диссертационного исследования выступают техника конструирования составов и дифференциация ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних. *Предметом* исследования являются нормы главы 20 УК, предусматривающие ответственность за указанные преступления, практика их применения, а также аналогичные положения зарубежного уголовного законодательства.

Методология и методика исследования. В процессе разработки темы автор руководствовался общенаучным диалектическим методом познания. Кроме того, в работе применялись также частнонаучные методы: исторический, логико-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой и др. Соблюдались методологические требования, предъявляемые к диссертационным исследованиям.

Теоретическая и нормативная база исследования. В процессе написания диссертации автором использовались труды дореволюционных, советских и современных авторов по общей теории права, уголовному праву, криминологии, истории. Тема научной работы обусловила использование широкого круга источников, посвященных трем основным аспектам темы. Проблемы законодательной и юридической техники стали предметом рассмотрения в работах С.С. Алексеева, В.К. Бабаева, Н.А. Власенко, Р. Иеринга, Д.А. Керимова, М.И. Ковалева, Д.А. Ковачева, Н.М. Коркунова, Л.Л. Кругликова, Т.В. Кленовой, Н.Ф. Кузне-

цовой, В.Н. Кудрявцева, Б.А. Миренского, А.С. Пиголкина, Н.С. Таганцева, Ю.А. Тихомирова, М.Д. Шаргородского, А.Ф. Черданцева и др.

Категории «уголовная ответственность» свои работы посвятили Л.В. Багрий-Шахматов, Я.М. Брайнин, М.П. Карпушин, В.И. Курляндский, О.Э. Лейст, Н.А. Огурцов, А.И. Санталов, Н.А. Стручков, А.Н. Тарбагаев и др. Заметный вклад в изучение проблемы дифференциации ответственности сделали такие ученые, как А.В. Васильевский, И.М. Гальперин, П.В. Коробов, Л.Л. Кругликов, Т.А. Лесниевски-Костарева, Ю.Б. Мельникова, А.П. Чугаев и др.

Наконец, вопросы регламентации ответственности за совершение преступлений против семьи и несовершеннолетних рассматривались в работах М.М. Бабаева, А.Э. Жалинского, А.Н. Игнатова, А.Н. Красикова, Л.Л. Кругликова, В.П. Малкова, А.А. Примаченка, Ю.Е. Пудовочкина, К.К. Сперанского, Н.И. Трофимова, И.Н. Туктаровой, А.Я. Тупицы, Ю.В. Усковой и других.

В качестве *нормативной базы* работы использовались: международно-правовые документы, в том числе непосредственно посвященные охране интересов несовершеннолетних (Конвенция о правах ребенка 1989 г., Всемирная Декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей 1990 г. и др.); Конституция Российской Федерации 1993 г.; уголовное законодательство России дореволюционного, советского и современного периода, а также зарубежных государств; Семейный и Гражданский кодексы РФ, Закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и иные нормативно-правовые акты.

Эмпирическую базу исследования составляет опубликованная судебная практика в виде разъяснений Пленума Верховного Суда РФ (РСФСР, СССР) и его решений по конкретным делам за период с 1969 по 2003 г.г., а также неопубликованная практика судов г. Ярославля за 1999-2004 г.г.

Научная новизна работы. Впервые в отечественной науке уголовного права на монографическом уровне проведено исследование законодательной регламентации ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних, описанные в главе 20 УК РФ, с позиции их законодательно-технического совершенства и оценки оптимальности проведенной дифференциации уголовной ответственности. Новым является также сам подход к про-

блеме: до сих пор, как правило, изучение ограничивалось рассмотрением групп норм либо отдельных норм, посвященных охране или семьи, или несовершеннолетних.

Свое выражение научная новизна находит, в частности, в **положениях, выносимых на защиту:**

1. Проведенный анализ родового объекта преступлений, описанных в главе 20 УК РФ, и значения главы 20 в Кодексе позволил сделать вывод о том, что ее расположение на последнем месте в разделе VII не в полной мере отражает общественную опасность входящих в нее деяний и нормы глав 19 и 20 следует поменять местами. Кроме того, наименование главы 20 неадекватно ее сути, поэтому его следует изменить на *«Преступления против несовершеннолетних и семейных отношений»*.

2. Каждому виду правотворчества соответствует свой вид техники: законам – законодательная, подзаконным нормативным актам – техника подзаконных нормативных актов, индивидуальным правовым актам – техника индивидуальных правовых актов. Необходимо дополнить понятийный аппарат термином *«техника подзаконных нормативных актов»*, более точно отвечающим специфике подзаконного нормотворчества.

Под законодательной же техникой следует понимать систему средств и приемов, а также правил их применения, используемую в процессе правотворчества и необходимую для создания законов, объективно отражающих волю законодателя.

3. К сфере законодательной и правотворческой техники в целом целесообразно относить приемы, средства и правила только тех видов систематизации, которые *осуществляются на официальном уровне законодательными (или правотворческими) органами и завершаются появлением нового нормативного акта* – кодекса, основ законодательства и т.п.

4. Название и диспозицию ст. 150 необходимо скорректировать, указав на вовлечение несовершеннолетнего в *совершение общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом*. В примечании-дефиниции к ст. 150 следует указать: *под вовлечением в статьях настоящего Кодекса, кроме ст. 205¹, по-*

нимаются действия, направленные на возбуждение желания совершить антиобщественное деяние или на привлечение лица к участию в таком деянии.

5. Предлагается изложить ст. 155 УК РФ в следующей редакции: «Разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, *совершенное из корыстных или иных низменных побуждений,—...*».

6. В действующем уголовном законе состав подмены ребенка сформулирован очень широко. В связи с тем, что фактически данное преступление совершается в отношении новорожденных детей, необходимо в диспозиции ст. 153 УК РФ конкретизировать, что подмена возможна в отношении *новорожденного ребенка*.

7. Уголовная ответственность – это претерпевание лицом, совершившим преступление, лишений личного, имущественного или организационного характера, возлагаемых на него принудительно компетентными органами от имени государства в пределах, установленных законом.

Дифференциация уголовной ответственности – это осуществляемое законодателем разделение уголовной ответственности, изменение ее пределов на основании указанных в уголовном законе обстоятельств путем выделения различных ее форм, видов и размеров.

8. Ответственность за совершение сделок с людьми необходимо дифференцировать, установив в главе о преступлениях против семьи и несовершеннолетних наказание за те сделки с несовершеннолетним, которые не упомянуты в ст. 127¹ УК, в том числе куплю-продажу, при которой не преследуется цель эксплуатации ребенка.

9. Нормы, описывающие квалифицированные и особо квалифицированные составы вовлечения в совершение преступления или иных антиобщественных действий, нуждаются в совершенствовании:

– ч. 2 ст. 150 и 151 следует изложить в следующей редакции: «2. То же деяние, совершенное: а) лицом, на котором лежит обязанность по воспитанию несовершеннолетнего или осуществлению за ним надзора, а равно лицом, в зависимости от которого находится несовершеннолетний; б) группой лиц по предварительному сговору...»;

– ч. 3 ст. 150 и 151 дополнить признаками «совершение деяния в отношении двух или более лиц» и «организованной группой»;

– в ч. 4 ст. 150 квалифицирующие признаки изложить в пунктах с буквенной нумерацией: «4. Деяние, предусмотренное частями первой, второй или третьей настоящей статьи, связанное с вовлечением несовершеннолетнего: а) в преступную группу; б) в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления...».

10. Предлагается произвести дифференциацию ответственности за совершение преступлений, описанных в ст. 153-157 УК, с помощью квалифицирующих признаков с учетом правил построения этих признаков «по горизонтали» и «по вертикали».

11. Необходимо скорректировать санкции в ст. 150 и 157 УК путем:

– установления нижнего предела санкции в ч. 1 ст. 150 в шесть месяцев, в ч. 2 – в один год лишения свободы;

– введения в санкцию наказания в виде лишения свободы сроком до 2 лет за совершение квалифицированных видов злостного уклонения от уплаты алиментов (ст. 157).

12. В примечании к ст. 151 следует указать еще один вид антиобщественного поведения, который также может быть следствием стечения тяжелых жизненных обстоятельств, вызванных утратой источника средств существования или отсутствием места жительства – попрошайничество.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты настоящего исследования могут использоваться в ходе дальнейшей разработки теоретических проблем уголовного права, в том числе касающихся законодательной техники и дифференциации уголовной ответственности. Практическая значимость проведенной работы состоит в том, что сформулированные в ней выводы могут быть учтены в процессе совершенствования уголовного законодательства в части регламентации ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних. Кроме того, осуществленное исследование может оказаться полезным в учебном процессе: при ведении лекционных и практических занятий со студентами по уголовному праву.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены автором в 9 научных публикациях.

Выводы и рекомендации, изложенные автором, докладывались и обсуждались на аспирантских научных конференциях ЯрГУ им. П.Г. Демидова (Ярославль, апр. 2002- 2004 г.), всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию ЯрГУ им. П.Г. Демидова (30-31 окт. 2003 г.).

Структура работы соответствует целям и задачам исследования и включает в себя введение, три главы, объединяющие восемь параграфов, заключение и список использованных источников.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы, определяются научная новизна, цели и задачи диссертационного исследования, его методологические основы, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Общая характеристика преступлений против семьи и несовершеннолетних» состоит из двух параграфов.

Первый параграф посвящен *истории уголовно-правовой регламентации ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних*. Уже в первых памятниках права Древней Руси – церковных уставах князя Владимира Святославовича (XI в.) и князя Ярослава (XII в.) – предусматривалось применение наказания за такие посягательства на семейные отношения, как прелюбодеяние, развод без согласия церкви, двоеженство и др. Предпринимались первые попытки дифференцировать ответственность за ряд деяний против семейных устоев (например, кровосмешение). В то же время практически не уделялось внимания охране прав и интересов несовершеннолетних: первоначально ответственность устанавливалась лишь за посягательства на жизнь ребенка. В Соборном Уложении 1649 г. и Артикуле воинском 1715 г. перечень преступлений против семьи немного расширился, более внимательно законодатель подошел к вопросам градации ответственности лиц, их совершающих, но по-прежнему из всех прав несовершеннолетних охранялось лишь право на жизнь.

Самая полная законодательная регламентация преступлений в сфере семейного права была произведена в XIX веке в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Прогрессивным с точки зрения законодательной техники следует считать появление в этом акте самостоятельного раздела «О преступлениях против прав семейственных», включающего 54 статьи. Исходя из общности объекта, эти нормы были сгруппированы в четыре главы – «О преступлениях против союза брачного», «О злоупотреблении родительской власти и о преступлениях детей против родителей», «О преступлениях против союза родственного» и «О злоупотреблении власти опекунов и попечителей». Наконец-то более детально была регламентирована ответственность за посягательства на права и интересы ребенка, в частности предусматривалось наказание для родителей и опекунов, которые принуждали детей к вступлению в брак или пострижению в монашество; вовлекали несовершеннолетних детей в какое-либо преступление; присваивали или растрачивали принадлежащее детям имущество и т.д.

Глава, посвященная преступлениям против семьи и несовершеннолетних, сохранилась и в Уголовном Уложении 1903 г., ее нормы были сформулированы менее казуистично и более рационально, однако она так и не была введена в действие (вплоть до революции 1917 г. применялось Уложение о наказаниях 1885 г.). Тем не менее, обзор дореволюционного уголовного законодательства показал, что к концу XIX – началу XX века в российском законодательстве сложилась достаточно целостная система норм, охраняющих интересы семьи и несовершеннолетних. Как много столетий назад, так и в начале XX в. прелюбодеяние, инцест, двоеженство, отказ содержать своих нуждающихся родителей считались преступными и влекли достаточно суровые наказания.

В первых Уголовных кодексах РСФСР защите семьи и детства уделялось мало внимания: законодатель не воспользовался положительным опытом, накопленным в дореволюционный период. Первоначально в УК 1922 г. можно было насчитать всего две статьи, посвященные преступлениям в сфере семейных отношений, интересы же несовершеннолетних были взяты под охрану только в 1924 году. Однако в УК РСФСР 1960 г., послужившим основой для со-

здания действующего уголовного закона, к 1996 году число таких статей возросло до четырнадцати.

Перечень уголовно наказуемых деяний, посягающих на семейные отношения, за более чем девятьсот лет серьезно изменялся ввиду преобразований в общественном сознании и морали, ослабления власти церкви. Логичным этапом развития уголовного закона явилось объединение в рамках одной главы Уголовного кодекса РФ 1996 г. составов посягательств на нормальное развитие несовершеннолетних и семейные отношения.

Во **втором параграфе** проводится анализ *объекта преступлений против семьи и несовершеннолетних* в Уголовном кодексе РФ, осуществляется их *классификация*, а также определяется *место и значение главы 20 в Особенной части Кодекса*.

В уголовном законе охрана прав и интересов несовершеннолетних и членов семьи обеспечивается с помощью большого числа норм, посвященных, в частности, ответственности за преступления против жизни и здоровья, половой свободы и неприкосновенности, общественной безопасности и нравственности и т.д. В рамках гл. 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» объединены 7 статей, которые описывают восемь составов, непосредственно посягающих на семейные отношения и интересы детей. Сведение этих норм в одну главу обусловлено единым *родовым объектом* преступлений гл. 20, под которым понимаются *общественные отношения по обеспечению нормального физического и духовного развития несовершеннолетнего и семейные отношения*.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что гл. 20 обоснованно включена в раздел VII «О преступлениях против личности», так как входящие в нее преступления посягают на интересы несовершеннолетних и членов семьи, то есть нарушают права личности. Но расположение указанной главы на последнем месте в разделе не в полной мере отражает общественную опасность входящих в нее деяний: как правило, главы в УК РФ расположены исходя из степени важности соответствующих родовых объектов, в порядке убывания их вредоносности. Надо заметить, что общественная опасность преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина значительно мень-

ше, чем преступлений против семьи и несовершеннолетних, о чем свидетельствуют и санкции статей; представляется, что и важность ценностей, охраняемых гл. 20, выше. Поэтому в работе обосновывается необходимость поменять местами нормы главы 19 и главы 20.

Не совсем удачно, в том числе с позиций правил законодательной техники, звучит название гл. 20. Предлагается именовать ее иначе – *«Преступления против несовершеннолетних и семейных отношений»*. Во-первых, это более соответствует структуре главы, которую открывает группа преступлений против несовершеннолетних. Кроме того, перенесение акцента с семьи на личность несовершеннолетнего лучше бы соотносилось с наименованием раздела VII УК РФ. Во-вторых, словосочетание «преступления против семейных отношений» точнее определяет объект одной из двух групп деяний, входящих в гл. 20.

Рассмотрение различных классификаций преступлений против семьи и несовершеннолетних привело к заключению, что наиболее обоснованно считать критерием деления групповой объект, то есть такое общественное отношение, на которое посягает определенная группа преступлений. На основании этого критерия можно выделить: 1) преступления против несовершеннолетних (ст. 150-151 УК РФ) и 2) преступления против семьи (ст. 153-157 УК РФ). Указанная классификация имеет важное значение, в том числе в процессе дифференциации ответственности с помощью квалифицирующих признаков: в частности, следует по возможности единообразно формулировать данные признаки в каждой группе деяний.

Вторая глава «Техника конструирования основных составов преступлений против семьи и несовершеннолетних» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе анализируется *понятие законодательной техники и ее значение в теории права*. В науке сложилось множество подходов к определению данного понятия, в частности, некоторые ученые отождествляют законодательную технику с правотворческой. Однако правотворчество включает в себя несколько разновидностей деятельности: создание законов, иных нормативно-правовых актов и издание индивидуальных правовых актов, следовательно, правотворческая техника шире по объему и объемлет законодательную. Логично предположить, что каждому виду правотворчества соответствует свой

вид техники: законам – законодательная, подзаконным нормативным актам – техника подзаконных нормативных актов, индивидуальным правовым актам – техника индивидуальных правовых актов. Так как для обозначения техники, применяющейся в ходе создания подзаконных нормативных актов, не существовало собственного термина, считаем целесообразным дополнить понятийный аппарат термином *«техника подзаконных нормативных актов»*.

Поддерживается узкое понимание законодательной техники, исключающее включение в сферу данной техники положений организационно–процедурного характера (законодательную инициативу, порядок внесения и рассмотрения проектов и др.). Разделяя мнение тех ученых, которые относят приемы, средства и правила систематизации правовых актов к области законодательной техники, считаем нужным уточнить, что к сфере законодательной и правотворческой техники в целом целесообразно относить приемы, средства и правила только тех видов систематизации, которые *осуществляются на официальном уровне законодательными органами* (или правотворческими органами в целом) *и завершаются появлением нового нормативного акта* – кодекса, основ законодательства и т.п. Соответственно такие разновидности систематизации, как инкорпорация, учет законов и иных нормативных актов, нельзя включать в область правотворчества, а значит, и не следует говорить о применении в ходе их осуществления каких-либо средств и приемов правотворческой техники.

Анализ различных точек зрения позволил сформулировать определение законодательной техники: *это система средств, приемов, а также правил их применения, используемая в процессе правотворчества и необходимая для создания законов, объективно отражающих волю законодателя*.

Поддерживается позиция, что основу, ядро законодательной техники составляют средства и приемы, а правила носят по отношению к ним вспомогательную, подчиненную роль. Анализ действующего УК РФ показал, что в сфере уголовного законотворчества применяются такие средства, как юридические конструкции, правовой язык, презумпции, юридические фикции, правовые аксиомы, правовые символы.

Значение законодательной техники видится в том, что она облегчает работу над проектами правовых актов, делает ее более эффективной и качествен-

ной, а также помогает избежать ошибок в работе над проектами правовых актов и, следовательно, способствует выработке наиболее ясных, простых, четких законоположений.

Во **втором параграфе** рассматриваются отдельные *средства законодательной техники*, их отличительные особенности, а также правила их применения при создании нормативных актов.

Особое внимание уделено вопросу о таком малоизученном средстве законодательной техники, как правовые аксиомы. Изучение немногочисленных публикаций подтолкнуло к выводу, что, вероятно, следует разделять понятия «аксиомы в праве» и «правовые аксиомы». Первые применяются в сфере права, но существуют либо на уровне норм морали, не отраженных в правовых актах, либо являются аксиомами других, неправовых, наук. Вторые же представляют собой *нашедшие закрепление в нормах права положения нравственного порядка, истинность которых очевидна и никем не оспаривается, на содержании которых базируется большинство других правовых норм*.

Аксиомы, по своей сути, стоят в одном ряду с такими средствами юридической техники, как *презумпции*. Это предопределяет их значение: они отражают уже установленные и достоверные знания и потому могут использоваться в качестве отправной точки для создания новых, толкования уже существующих норм. Как приемы правового регулирования, они оказываются полезными и необходимыми при возникновении различных «нестандартных ситуаций», хотя могут использоваться и при обычном, нормальном функционировании правовой системы.

Среди выделяемых в теории аксиоматических положений ряд из них имеют непосредственное отношение к уголовному праву и касаются, в том числе, гл. 20 УК: нельзя осуждать дважды за одно и то же правонарушение; закон (устанавливающий новую или более высокую ответственность) не имеет обратной силы; нет наказания без преступления; преступление наказуемо; квалифицированный вид преступления обладает большей общественной опасностью и т.д. Так или иначе эти аксиомы отражаются в законе: путем установления более строгого наказания за квалифицированные преступления, в ходе построения Особенной части УК. Ввиду того, что многие нормы УК РФ носят бланкетный

характер, в уголовном праве могут применяться и правовые аксиомы иной отраслевой принадлежности. Например, в российском семейном праве аксиоматичным может считаться утверждение, что каждый свободен в выборе себе супруга(и) для заключения семейного союза. Таким образом, человек может вступить в брак с любым лицом противоположного пола при отсутствии обстоятельств, препятствующих заключению брака (наличие другого нерасторгнутого брака, кровное родство и т.д.). В уголовном праве эта аксиома могла бы выразиться в установлении ответственности за принуждение женщины к вступлению в брак или воспрепятствование вступлению в брак, как это было в УК РСФСР и как это есть в УК Болгарии.

Третий параграф посвящен *использованию возможностей законодательной техники при конструировании основных составов преступлений против семьи и несовершеннолетних* и начинается с рассмотрения правильности применения языковых средств при создании гл. 20 УК. Представляется, что, несмотря на учет законодателем прежних дефектов уголовного закона и их исправление, при формулировании ст. 150-151, 153-157 были нарушены многие языковые правила, в том числе касающиеся применения терминологии. Прежде всего, необходимо обратить внимание на синонимичность терминов: использованные понятия «ребенок», «дети», «несовершеннолетний» («несовершеннолетние дети») имеют применительно к нормам гл. 20 УК одинаковое содержание, один объем. Исключением выступает ст. 153, в которой термин «ребенок» имеет более узкий смысл, чем «несовершеннолетний», и должен толковаться ограничительно. Учитывая то, что содержание понятия «несовершеннолетний», вкладываемое в него обывателем, совпадает с его юридическим определением, считаем целесообразным употреблять в статьях гл. 20 УК, кроме ст. 153, именно этот термин. В то же время диспозиция ст. 153 сформулирована слишком абстрактно и широко, поэтому в ней необходимо конкретизировать, что подмена возможна в отношении *новорожденного ребенка*, поскольку практически это преступление совершается в отношении таких детей.

Усложняет восприятие нормативного текста применение терминов, определения которых не содержатся в уголовном законе (бродяжничество, попрошайничество, спиртные напитки и т.д.). Полагаем, что в целях законодательной

экономии раскрывать содержание всех понятий в уголовном законе нет смысла, но дать толкование в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ необходимо: это будет способствовать единообразному применению положений Кодекса. В то же время законодательная дефиниция понятия «вовлечение», употребленного в ст. 150, 151, на наш взгляд, необходима, поскольку за все время существования ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность (преступление) единого толкования указанного термина ни Верховными Судами СССР и РСФСР (РФ), ни учеными не достигнуто.

Сравнительный анализ применения данного понятия в различных нормах УК РФ показал, что в ст. 150, 151 и 240 УК «вовлечение» имеет одно содержание и во всех этих статьях идет речь о вовлечении в совершение различных антиобщественных деяний: общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом, преступления; систематическое употребление спиртных напитков и одурманивающих веществ; бродяжничество, попрошайничество и занятие проституцией. Поэтому обосновывается необходимость в примечании к ст. 150 указать: *под вовлечением в статьях настоящего Кодекса, кроме ст. 205¹, понимаются действия, направленные на возбуждение желания совершить антиобщественное деяние или на привлечение лица к участию в таком деянии.*

Не всегда удачно строил законодатель диспозиции статей гл. 20 с точки зрения правил синтаксиса. Так, в ст. 155 УК причастный оборот – «обязанным хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну» – разрывает однородные члены предложения, что приводит к различному толкованию данной нормы, двусмысленности: некоторые авторы относят признак состава «корыстные или иные низменные побуждения» только к последнему однородному члену предложения – «иному лицу». Представляется, что указанные мотивы являются обязательным признаком состава, тем обстоятельством, при котором поведение виновного достигает уровня общественной опасности, характерной для преступления. Поэтому ст. 155 следовало бы изложить иначе и более лаконично (исключив указание на субъектов преступления): «Разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, совершенное из корыстных или иных низменных побуждений,—...».

Законодательно-техническим недостатком текста ст. 156 УК является избыточная информативность и, как следствие, громоздкость и непонятность нормы. По существу, неисполнение (непредоставление ребенку еды, одежды и т.п.) или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию (избиение ребенка, сексуальная эксплуатация, выдворение из дома и т.п.) может представлять собой жестокое обращение с несовершеннолетним. В то же время, жестокое обращение с ребенком – это уже ненадлежащее исполнение обязанностей по его воспитанию. Поэтому, на наш взгляд, достаточно указать в диспозиции на то, что уголовно наказуемо неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию и надзору за ребенком, которое носит жестокий характер. Кроме того, думается, норму следует сформулировать более кратко, вместо перечисления в статье всех субъектов преступления отметив лишь характер возложенных на них обязанностей: норма и сейчас носит бланкетный характер, поэтому для очерчивания круга лиц, которые должны нести ответственность, все равно необходимо обращаться к Семейному кодексу, Закону «Об образовании» и т.д. С учетом сказанного предлагается новая редакция ст. 156: *«Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего или осуществлению за ним надзора, если это деяние имеет характер жестокого обращения с несовершеннолетним, наказывается...»*.

Правила законодательной техники диктуют необходимость описывать признаки состава преступления недвусмысленно, не использовать по возможности оценочных признаков. К таковым, в частности, относится термин «злостное уклонение», употребленный в ст. 157 УК. Обзор зарубежного законодательства, мнений ученых и судебной практики привел к выводу, что разумно формализовать один из признаков злостности – систематичность неуплаты алиментов, четко указав, какую неуплату считать продолжительной (систематической). Поэтому предлагается изложить ст. 157 УК следующим образом: *«Злостное уклонение родителя от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетнего ребенка..., в том числе неуплата алиментов более шести месяцев подряд, - наказывается...»*. Аналогичным образом следует сформулировать и ч. 2 этой статьи. Кроме того, представляется, целесообразно

поместить два самостоятельных состава, описанных в ч. 1 и ч. 2 ст. 157, в отдельные статьи – ст. 157 и ст. 157¹ соответственно. Бесспорно, что составы злостного уклонения от уплаты средств на содержание детей и аналогичные действия в отношении нетрудоспособных родителей близки по смыслу. Но объединение двух или нескольких норм, тесно связанных между собой, в одну статью уместно в случае, если эти нормы взаимно дополняют друг друга и лишь в совокупности дают ответ на определенный вопрос, когда одна норма без другой не может быть понята полностью. Так как этих сдерживающих обстоятельств нет, ничто не мешает разделить эти составы на две самостоятельные статьи, тем более что различаются субъекты данных преступлений и предусмотренные в ч. 1 и 2 наказания.

При создании гл. 20 УК был найден оптимальный вариант конструкции составов: они сформулированы по типу формальных, сложных составов с альтернативными признаками. Действительно, преступления, описанные в диспозициях ст. 150-151, 153-157 УК, считаются оконченными в момент совершения деяния (действия или бездействия). В целом можно констатировать, что в большинстве норм законодатель правильно определял признаки субъективной стороны преступления, подлежащие включению в состав, но, как уже было сказано, подчас излишне подробно перечислял признаки специальных субъектов преступлений (ст. 155, 156 УК).

Для построения норм в основном использовался абстрактный прием изложения, а нередко и бланкетный способ, в частности, последний «с избытком» применен для описания признаков специального субъекта преступлений в ст. 155, 156. При создании ст. 154 законодатель смог найти «золотую середину» между краткостью и информативностью нормы: норма сконструирована по типу бланкетной и изложена абстрактно. Раскрыть содержание обобщающего понятия «незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку...» и т.д. (ст. 154) возможно с помощью других нормативных актов, в том числе Семейного кодекса РФ.

Третья глава «Дифференциация уголовной ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних» включает три параграфа.

В первом параграфе на основании анализа различных подходов раскрывается содержание *понятий «уголовная ответственность», «дифференциация уголовной ответственности»*, а также устанавливается, *каковы пределы и средства дифференциации ответственности.*

При раскрытии сущности юридической и, в частности, уголовной ответственности было решено не выделять в ее содержании позитивный аспект. Кроме того, обосновывается мнение, что ответственность предполагает только принудительные меры воздействия на правонарушителя. В определении уголовной ответственности необходимо, на наш взгляд, отражать две ее стороны: претерпевание лицом, совершившим преступление, лишений (субъективная сторона) и принудительное воздействие со стороны государства, его органов и должностных лиц по установлению, реальному применению мер ответственности к виновным лицам (объективная сторона).

Основываясь на этом толковании уголовной ответственности, был сделан вывод, что ее дифференциация представляет собой *осуществляемое законодателем разделение уголовной ответственности, изменение ее пределов на основании указанных в уголовном законе обстоятельств путем выделения различных ее форм, видов и размеров.*

Рассматривается вопрос о дифференциации ответственности «по вертикали», а также анализируются средства дифференциации, применяемые законодателем для градации ответственности. В частности, подвергается критике позиция тех авторов, которые не относят к средствам дифференциации смягчающие и отягчающие обстоятельства (ст. 61 и 63 УК), в том числе по мотиву неконкретизированности их влияния на ответственность, на санкции статей Особенной части. Представляется, что данные мнения не основаны на законе: так, например, если в деле будут установлены отягчающие обстоятельства, то при наличии смягчающих обстоятельств, перечисленных в п. «и» и «к» ст. 61, уже не могут быть применены положения ст. 62 УК. Или: согласно ч. 3 ст. 68 УК при любом виде рецидива преступлений, если судом установлены смягчающие обстоятельства, предусмотренные ст. 61, срок наказания может быть назначен менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Думается, что эти ар-

гументы доказывают, что сила воздействия обстоятельств, указанных в ст. 61 и 63, определена и четко выражена.

Поддерживается деление средств дифференциации на описанные в а) Общей и б) Особенной частях уголовного законодательства, которое использовано в дальнейшем при рассмотрении проблем градации ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних.

Второй параграф посвящен *дифференциации ответственности за преступления против несовершеннолетних и семьи* средствами *Общей части УК РФ*. В частности, анализируются вопросы деления ответственности с помощью признаков субъективной стороны, субъекта преступления, при установлении объема уголовной ответственности за неоконченное деяние, разбираются вопросы освобождения от ответственности по нереабилитирующим основаниям.

При рассмотрении проблем применения смягчающих и отягчающих обстоятельств как средств дифференциации обращается внимание на то, что использование ряда обстоятельств, указанных в ст. 61 и 63, имеет некоторые особенности. Так, наличие малолетних детей у виновного (п. «г» ч. 1 ст. 61 УК) не влияет на смягчение ответственности лица, совершившего преступление против этих детей.

В процессе индивидуализации ответственности взрослого за вовлечение несовершеннолетнего в занятие попрошайничеством суды должны выяснять, не было ли совершено это преступление в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств (п. «д» ст. 61 УК). Заметим, что в примечании к ст. 151 законодатель предусмотрел специальное основание для освобождения от уголовной ответственности родителя, вовлекшего в занятие бродяжничеством своего несовершеннолетнего ребенка вследствие *стечения тяжелых жизненных обстоятельств*, вызванных утратой источника средств существования или отсутствием места жительства. Однако вне поля зрения оказался такой вид антиобщественной деятельности, как попрошайничество: последнее нередко сопровождает бродяжничество и также зачастую вызвано тяжелой ситуацией в жизни виновного, связанной с утратой средств существования. Поэтому в настоящее время можно лишь смягчить ответственность виновного лица, в том числе ро-

дителя, со ссылкой на п. «д» ст. 61 УК. В перспективе предлагается расширить примечание к ст. 151, упомянув в нем также вовлечение в попрошайничество.

Обращено внимание, что отягчающее обстоятельство – привлечение к совершению преступления лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность (п. «д» ч. 1 ст. 63 УК), учитывается при назначении наказания взрослому не за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления, а за конкретно совершенное в результате этого преступление.

В третьем параграфе исследованы вопросы *дифференциации ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних средствами Особенной части УК*. Рассмотрение *дифференциации по объему ответственности* привело к выводу о необходимости градировать ответственность за торговлю людьми. Обязательным признаком состава торговли людьми согласно ст. 127¹ УК является цель – эксплуатация человека, ради которой он и приобретается. Таким образом, если этой цели нет, то в действиях лица отсутствует состав преступления и в существующей редакции ст. 127¹ уголовный закон не может встать на защиту ребенка, которого продали, например, бездетной паре, желающей иметь детей. Кроме того, за сферой уголовной юрисдикции остались и иные сделки (дарение, аренда и т.п.), предметом которых может стать человек, в том числе ребенок. В последнем случае общественная опасность деяния явно ниже, но в то же время закон мог бы реагировать на недопустимые с точки зрения морали факты распоряжения маленьким человеком как вещью. Представляется, в главе 20 УК необходимо установить ответственность за те сделки с несовершеннолетним, которые не упомянуты в ст. 127¹, в том числе куплю-продажу, при которой не преследуется цель эксплуатации ребенка.

Наиболее подробно и обстоятельно рассматривались *квалифицирующие обстоятельства* как средства дифференциации. На базе правил формулирования квалифицированных составов сделан вывод об обоснованности выделения обстоятельств, усиливающих ответственность, в ч. 2-3 (4) ст. 150 и 151 УК. Тем не менее, представляется, что с позиций законодательной техники некоторые квалифицирующие признаки сформулированы не вполне удачно. В частности, ч. 2 ст. 150 следует изложить иначе, расширив круг субъектов, деяние которых имеет большую общественную опасность: «2. То же деяние, совершенное ли-

цом, на котором лежит обязанность по воспитанию несовершеннолетнего или осуществлению за ним надзора, а равно лицом, в зависимости от которого находится несовершеннолетний».

Поддержано мнение ученых, предлагающих усилить ответственность за вовлечение несовершеннолетнего, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой лиц, а также за совершение деяния в отношении двух или более лиц. Вместе с тем замечено, что нельзя забывать о соблюдении «вертикали» при построении квалифицирующих признаков, логического перехода в процессе дифференциации наказания: традиционно признак «группа лиц по предварительному сговору» обуславливает выделение квалифицированных видов посягательств, а «организованная группа» – особо квалифицированных преступлений. Поэтому, по примеру ст. 240 УК, в ч. 2 ст. 150 и 151 необходимо включить квалифицирующий признак «совершение деяния группой лиц по предварительному сговору», а в ч. 3 – «организованной группой». Особо квалифицирующим признаком – «совершение деяния в отношении двух или более лиц» целесообразно дополнить ч. 3 ст. 150 и 151.

В действующем уголовном законе вовсе обойден вниманием вопрос о конструировании квалифицированных составов преступлений против семьи (ст. 153-157 УК). Основываясь на правилах их формулирования, а также опираясь на принцип унификации при определении круга данных признаков, высказаны следующие предложения.

Статью 153 «Подмена ребенка» следует дополнить ч. 2 и 3 следующего содержания: «2. То же деяние, совершенное: а) в отношении двух или более лиц; б) группой лиц по предварительному сговору;

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные: а) организованной группой; б) лицом с использованием своего служебного положения».

В связи с высокой опасностью нарушения правил усыновления (удочерения) и т.п. видов поведения (ст. 154) отстаивается мнение об усилении ответственности за совершение этого деяния группой лиц по предварительному сговору; лицом с использованием своего служебного положения (ч. 2), организованной группой (ч. 3).

В ст. 155, представляется, надо установить более строгое наказание за разглашение тайны усыновления, совершенное лицом, обязанным хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну. Дополнение данной статьи частью второй вписывается и в предложенную ранее редакцию основного состава. Кроме того, обосновывается целесообразность формулирования ч. 3, в которой предусматривается ответственность за деяния, описанные в ч.1 и 2, повлекшие тяжкие последствия.

Не учел законодатель более опасные разновидности злостного уклонения от содержания несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей. Ранее уже было аргументировано разнесение этих составов в самостоятельные статьи, которые следует дополнить частями второй и третьей: «2. То же деяние, совершенное в отношении двух или более лиц, – наказывается...;

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие тяжкие последствия, – наказываются...».

Нельзя не обратить внимание на не всегда удачное *построение санкций*: в ч. 1 и 2 ст. 150 нет указания на нижний предел санкции, поэтому представляется логичным установить этот минимальный порог в шесть месяцев лишения свободы в части первой и в один год лишения свободы – в части второй. Кроме того, отстаивается мнение о необходимости ужесточения ответственности за злостное уклонение от содержания несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей, путем введения наказания в виде лишения свободы на срок до двух лет за совершение квалифицированных деяний. Выбор именно такого максимального срока лишения свободы обусловлен и тем, что кратковременное (на 1 год) лишение свободы неэффективно, и тем, что применение строгого наказания лишит злостных неплательщиков ощущения безнаказанности, будет иметь большой устрашающий и предупреждающий эффект.

В **Заключении** работы подводятся итоги исследования, формулируются предложения по совершенствованию законодательства.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Пухтий Е.Е. История уголовно-правовой регламентации преступлений против семьи и несовершеннолетних / Пухтий Е.Е. // Дифференциация ответ-

ственности и проблемы юридической техники в уголовном праве и процессе: Сб. науч. ст. Ярославль, 2002. С. 109-115.

2. Пухтий Е.Е. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ) / Пухтий Е.Е. // Юридические записки молодых ученых и аспирантов ЯрГУ: Сб. ст. Вып. 1. Ярославль, 2002. С. 92-94.

3. Пухтий Е.Е. Торговля несовершеннолетними: понятие и уголовно-правовая характеристика / Пухтий Е.Е. // Актуальные проблемы дифференциации ответственности и законодательная техника в уголовном праве и процессе: Сб. науч. ст. Ярославль, 2003. С. 73-83.

4. Пухтий Е.Е. Злостное уклонение от уплаты алиментов (ст. 157 УК РФ): история и современность / Пухтий Е.Е. // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Вып. 7: Сб. ст. Ярославль, 2003. С. 186-197.

5. Пухтий Е.Е. Инцест: доводы «за» и «против» криминализации / Пухтий Е.Е. // Юридические записки молодых ученых и аспирантов ЯрГУ: Сб. ст. Вып. 2. Ярославль, 2003. С. 71-73.

6. Пухтий Е.Е. Спорные вопросы квалификации торговли несовершеннолетними / Пухтий Е.Е. // Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 30-31 окт. 2003 г. Юрид. науки. Ярославль, 2003. С. 60-62.

7. Пухтий Е.Е. К вопросу о языке главы 20 Уголовного кодекса РФ / Пухтий Е.Е. // Актуальные вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники в уголовном праве и процессе. Сб. науч. ст. Ярославль, 2004. С. 134-144.

8. Пухтий Е.Е. О некоторых приемах законодательной техники на примере главы 20 УК РФ / Пухтий Е.Е. // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Вып. 8: Сб. ст. Ярославль, 2004. С. 198-204.

9. Пухтий Е.Е. Аксиомы в праве. Уголовно-правовые аксиомы / Пухтий Е.Е. // Юридические записки молодых ученых и аспирантов ЯрГУ: Сб. ст. Вып. 3. Ярославль, 2004. С. 75-77.

СПИСОК

адресатов, которым рассылаются авторефераты
кандидатской диссертации Сундуровой О.Ф.

1. ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ СПИСОК

1. Российская книжная палата (121019, Москва, ул. Кремлевская наб., 1/9) – 9 экз.
2. Российская государственная библиотека (101000, Москва, ул. Воздвиженка, 3) – 1 экз.
3. Российская национальная библиотека (191011, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 18) – 1 экз.
4. Государственная публичная научно-техническая библиотека России (103031, Москва, Кузнецкий мост, 12) – 1 экз.
5. Всероссийский институт научно-технической информации (125219, Москва, ул. Усиевича, 20 а) – 1 экз.
6. Всероссийский научно-технический информационный центр (125801, Москва, ГСП-47, ул. Смольная, 14) – 1 экз.
7. Национальная библиотека Республики Белоруссии (220030, г. Минск, ул. Красноармейская, 9) – 1 экз.
8. Московская государственная юридическая академия, (123286, Москва, ул. Садовая-Кудринская 9) – 1 экз.
9. Курдюков Г.И., проф., предс. дисс. совета (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, КГУ) – 1 экз.
10. Сундуrow Ф.Р. проф., зам. пред. дисс. совета (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, КГУ) – 1 экз.
11. Каюмова А.Р. доц., ученый секретарь дисс. совета (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, КГУ) – 1 экз.
12. Безина А.К., проф., член дисс. совета (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, КГУ) – 1 экз.
13. Бекашев К.А., проф., член дисс. совета (123286, Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, МГЮА) – 1 экз.
14. Бублик В.А., проф., член дисс. совета (620026, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, Уральская государственная юридическая академия) – 1 экз.
15. Воложанин В.П., проф., член дисс. совета (432700, Ульяновск, ул. Гончарова, 40/9, Ул-ГУ) – 1 экз.
16. Валеев Р.М., проф., член дисс. совета (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, КГУ) – 1 экз.
17. Игнатенко Г.В., проф., член дисс. совета (620026, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮА) – 1 экз.
18. Кругликов Л.Л., проф., член дисс. совета, офиц. оппонент (150003, г. Ярославль, ул. Советская, 64 кв. 194) – 1 экз.
19. Мингазов Л.Х., проф., член дисс. совета (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18) – 1 экз.

20. Романов В.И., проф., член дисс. совета (424006, г. Йошкар-Ола, ул. К. Маркса, 140, МОСУ) – 1 экз.
21. Рябов А.А., проф., член дисс. совета (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, КГУ) – 1 экз.
22. Сидоров Б.В., проф., член дисс. совета (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, КГУ) – 1 экз.
23. Талан М.В., проф., член дисс. совета (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, КГУ) – 1 экз.
24. Тарханов И.А., проф., член дисс. совета (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, КГУ) – 1 экз.
25. Фархтдинов Я.Ф., проф. член дисс. совета (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, КГУ) – 1 экз.
26. Фаткутдинов З.М., проф., член дисс. совета (125195, г. Москва, ул. Фестивальная, 15, кор. 3, кв.12.457) – 1 экз.
27. Чучаев А.И., проф., член дисс. совета, (123386, Москва, ул. Садово-Кудринская, д. 9, МГЮА) – 1 экз.
28. Волжский университет им. В.Н. Татищева, ведущая организация (445667, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14) – 1 экз.
29. Иванцова Н.В., доц., офиц. оппонент (428003, г. Чебоксары, ул. Шевченко, 23) – 1 экз.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК

30. Академия управления МВД РФ (125171, г. Москва, А-171, п/я 1607, ул. 3. и А. Космодемьянских, 8) – 1 экз.
31. Волгоградский государственный университет (400068, ул. 2-я Продольная, 30) – 1 экз.
32. Воронежский государственный университет (394693, Воронеж, ул. Ленина, 10) – 1 экз.
33. Дальневосточный государственный университет (690000, Владивосток, Центр, ул. Октябрьская, 25) – 1 экз.
34. Институт государства и права РАН (121019, Москва, Г-19, ул. Знаменка, 10) – 1 экз.
35. Ивановский государственный университет, юридический факультет (153000, Иваново, Посадский переулок, 8) – 1 экз.
36. Красноярский государственный университет, юрид. ф-т (660061, Красноярск, Свободный п-т, 62) – 1 экз.
37. Кубанский государственный университет, юрид. ф-т (350000, ул. Шаумяна, 43) – 1 экз.
38. Казанский государственный университет, кабинет информатики юр. ф-та (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18) – 1 экз.
39. Московский государственный университет (119899, Москва, Воробьевы горы, первый корпус гуманитарных факультетов, юридический факультет) – 1 экз.

40. Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского (603115, Нижний Новгород, ул. Ашхабадская 4, юридический факультет) – 1 экз.
41. Нижегородский юридический институт МВД РФ (603600, Нижний Новгород, ГСП-268, Анкудиновское шоссе д.3) – 1 экз.
42. Национальная библиотека Республики Татарстан (420111, Казань, Кремлевская 33) – 1 экз.
43. Пермский государственный университет (614000, Пермь, ул. Генкеля 7, юридический факультет) – 1 экз.
44. Прокуратура Республики Татарстан (420503, Казань, ул. Кремлевская, 14) – 1 экз.
45. Ростовский государственный университет (ГСП-11, Ростов-на-Дону, ул. Горького 88, юридический факультет) – 1 экз.
46. Российский университет «Дружбы народов», ф-т экономики и права (117198, Москва, В-198, ул. Миклухо-Маклая, 9) – 1 экз.
47. Сабитов Р.А., проф. (454021, Челябинск, ул. Чичерина, 38-62) – 1 экз.
48. Саратовская государственная академия права (410056, Саратов, ул. Чернышевского, 104) – 1 экз.
49. Санкт-Петербургский государственный университет, юрид. ф-т (199026, С.-Петербург, 22 линия, 7) – 1 экз.
50. Томский государственный университет (634050, Томск, пр. Ленина 36) – 1 экз.
51. Тюменский государственный университет (625003, Тюмень, ул. Семакова 10, юридический факультет) – 1 экз.
52. Уральская государственная юридическая академия (620026, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21) – 1 экз.
53. Уфимский юридический институт МВД РФ (450000, Уфа, пер. Каминский, 2) – 1 экз.
54. Челябинский государственный университет (454026, Челябинск, ул. Б. Кашириных, 129) – 1 экз.
55. Баскин Ю.Я., профессор (197101, Санкт-Петербург, Кировский п-т, д.14, кв.10) – 1 экз.
56. Борзенков Г.Н., профессор (141070, Московская область, г. Королев, ул. К.Либкнехта, д.4, кв.14) – 1 экз.
57. Бородин С.В., профессор (119841, г. Москва, ул. Знаменка, 10, институт государства и права РАН) – 1 экз.
58. Волженкин Б.В., профессор (199026, С-Петербург, 22 линия, 7, С-Петербургский государственный университет, юридический факультет) – 1 экз.
59. Волков Б.С., профессор (143051, Московская обл., Одинцовский р-н, п/о Горловка, д.15, кв. 19) – 1 экз.
60. Галиакбаров Р.Р., профессор (350089, Краснодар, п-т Чекистов, 28-19) – 1 экз.
61. Гаухман Л.Д., профессор (103006, Москва, Воротниковский пер., 7, институт актуального образования, ЮрИнфор – МГУ) – 1 экз.

- 62.Голик Ю.В., профессор (127000, Москва Сивцев Вражек пер., 43 «Юридический Центр Пресс») – 1 экз.
- 63.Горелик А.С., профессор (660061, Красноярск, Свободный проспект, 62, КГУ, юридический факультет) – 1 экз.
- 64.Землюков С.В. д. ю. н., профессор (656035, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 59 кабинет 341) – 1 экз.
- 65.Квашиш В.Е., профессор (117526, Москва, ул. Вернадского 95/3, кв. 125) – 1 экз.
- 66.Келина С.Г., профессор (119841, Москва, ул. Знаменка 10, Институт государства и права РАН) – 1 экз.
- 67.Козаченко И.Я., профессор (620014, Екатеринбург, ул. Малышева 4, кв. 6) – 1 экз.
- 68.Комиссаров В.С., профессор (119992, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, юридический факультет, кафедра уголовного права) – 1 экз.
- 69.Коробеев А.И. д. ю. н., профессор (690600 г. Владивосток, ул. Уборевича, 25) – 1 экз.
- 70.Кропачев Н.М., профессор (191123, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 28, Дом юриста) – 1 экз.
- 71.Кудрявцев В.Н., профессор, Московская государственная юридическая академия (123286, Москва, ул. Садовая-Кудринская 9) – 1 экз.
- 72.Кузнецова Н.Ф., профессор (119899, Москва, Воробьевы горы, первый корпус гуманитарных факультетов, юридический факультет Московский государственный университет) – 1 экз.
- 73.Кутафин О.Е., профессор, Московская государственная юридическая академия (123286, Москва, ул. Садовая-Кудринская 9) – 1 экз.
- 74.Лобанова Л.В., профессор, Волгоградский государственный университет, юридический ф-т (400068, ул. 2-я Продольная, 30) - 1 экз.
- 75.Лопашенко Н.А., профессор (410601, г. Саратов, а/я 3135) – 1 экз.
- 76.Максимов С.В., профессор (103000, Москва, Воротниковский пер., 7, Институт актуального образования «ЮрИнфор»-МГУ) – 1 экз.
- 77.Милюков С. Ф., профессор (191104, Санкт-Петербург, Литейный проспект, д. 44 тел.) – 1 экз.
- 78.Михлин А.С., профессор (121151, Москва, ул. Платовская, д.4, кв. 63) – 1 экз.
- 79.Наумов А.В., профессор (117463, Москва, Новоясеневский пр., д.38 кор. 1. Кв. 161) – 1 экз.
- 80.Никулин С.И., профессор (109345, Москва, Мягковский б-р, д.8 к.2, кв. 25) – 1 экз.
- 81.Панько К.А., профессор (394006, г. Воронеж, ул. Кирова, д.26, кв. 17) – 1 экз.
- 82.Рарог А.И., профессор, Московская государственная юридическая академия (123286, Москва, ул. Садовая-Кудринская 9) – 1 экз.
- 83.Тенчов Э.С., профессор (153022, Иваново, ул. Ташкенская д.60 кв.11) – 1 экз.

84.Ткачевский Ю.М., профессор (119899, Москва, Воробьевы горы, первый корпус гуманитарных факультетов, юридический факультет Московский государственный университет) – 1 экз.

85.Якушин В.А., профессор (445020, г. Тольятти, ул. Республиканская, д.20, кв. 1) – 1 экз.

Ученый секретарь
Диссертационного Совета,
к.ю.н., доц.

Каюмова А.Р.